

УДК 81-112

Л.П. Дронова

МЕТОДИКА ДИАХРОНИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ

В статье рассматриваются возможности и ограничения использования методики сравнительно-исторического исследования в практике концептуального анализа. Обсуждается вопрос о том, что мешает эффективному использованию методики современной лингвистической компаративистики при когнитивно-ориентированном подходе к фактам языка. Обсуждаемая проблема показана с точки зрения отдельных аспектов несоотнесенности значимых понятий компаративистики и лингвокогнитивистики (системность в синхронии и диахронии, внутренняя форма слова, этимон – концепт, учет/неучет специфики этимологических справочников, созданных в разное время).

Ключевые слова: методика, диахроническое исследование, компаративистика, концептуальный анализ, семантическая реконструкция, внутренняя форма слова, этимон.

I

Основное направление современной лингвистики – исследование соотношения семантики языка с концептосферой народа, соотношения семантических процессов с когнитивными. В последней четверти XX в. лингвистика вышла на тот рубеж, на котором обозначилась необходимость видеть и изучать не только историческую изменчивость языка, его сложную системную организацию, но и «язык в человеке и человека в языке», «язык как дом сознания». Безусловной стала актуальность прежде всего диахронической семантики. Е.С. Кубрякова среди недостатков раннего этапа лингвокогнитивистики отмечает то, что «существенным ограничением являлось нежелание когнитологов рассматривать языковые явления в их широкой исторической перспективе и т.п. Между тем последующие исследования в данной области выявили явные преимущества синхронно-диахронного изучения фактов языка как позволяющего придать всему анализу очевидный объяснительный характер» [1. С. 6].

В отечественной лингвистике известным направлением (по количеству и результатам исследований) является метафорический анализ языковой картины мира. Но гораздо шире у нас представлена та когнитивная лингвистика, которая относительно своих методов заявляет, что при исследовании концептов и когнитивных процессов «делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования. Лингвистические методы, используемые для описания лексической и грамматической семантики языковых единиц, становятся *методами* лингвокогнитивного исследования» [2. С. 7]. Такое определение метода совершенно естественно, логично, учитывая, что когнитивная лингвистика позиционируется как раз-

новидность особого (когнитивного) интерпретирующего подхода к анализу языка. Однако конкретная реализация этого метода не особенно радует результатами, судя по оценке ведущих специалистов этого направления. Так, при открытии круглого стола «Концептуальный анализ языка: современные направления исследования» (2007) Е.С. Кубрякова сначала отметила, что российский вариант когнитивной лингвистики имеет свои отличия и что «в настоящее время в России разразилась буквально «эпидемия» концептуального анализа как важнейшей составляющей когнитивного подхода, анализ концептов стал привычным занятием для многих лингвистов» [3. С. 5]. Далее она обозначила то, что вызывает тревогу в этой ситуации: «Но есть в этом триумфальном шествии концептуалистики тревожные ноты: круг концептуального анализа постоянно расширяется, охватывая целые тематические ряды лексики, т.е. количество концептов растет геометрически. И невольно возникает опасение, что тем самым размывается грань между концептуальным анализом и собственно лексикологией. Может быть, для лексикологии быть пропущенной через когнитивное осмысление означает повышение ее научного ранга, но для концептуального анализа это определенно девальвация» [3. С. 5–6].

Размыванию грани между концептуальным анализом и собственно лексикологическим анализом способствует и принятое – вслед за «Кратким словарем когнитивных терминов» – определение концептуального анализа как системы процедур, направленных на выявление концептуальной системы человека, отраженной в языке, или как системы процедур, направленных на выявление принципов концептуализации человеком действительности в процессе номинативной и речевой деятельности [4. С. 90, 93]. Понятие же «системы процедур», позволяющей провести концептуализацию языкового явления, не комментируется, не раскрывается. Концептуализация понимается как выявление членения действительности, отраженного в языковой системе того или иного языка, и, соответственно, концепт понимается как условная ментальная единица, вербализованный культурный смысл [5. С. 10]. Иначе говоря, концепт определяется как максимально обобщенный конструкт, вербализуемый множеством языковых средств. При таком понимании концептуализации и концепта, при неясности «системы процедур» концептуализации методика проведения концептуализации сближается с методикой выделения семантических полей в структурной лингвистике, отличаясь лишь тем, что при конструировании концепта предполагается привлечение максимально полной лингвистической информации, связанной по ассоциации с центральным элементом поля (концепта).

Вследствие отсутствия последовательной методики концептуального анализа, отработанной системы процедур такого анализа складывается впечатление, что во многих случаях концептуальный анализ осуществляется *на интуитивном уровне, что делает получаемые результаты невоспроизводимыми*» [6. С. 62]. Подчеркивая особую актуальность разработки последовательной методики концептуального анализа, Е.Г. Беляевская, например, ставит вопрос: не есть ли концептуальный анализ модификационная версия методов структурной лингвистики? В ответе на этот вопрос она предлагает исходить в понимании концепта из того, что концепт как условная ментальная

единица является составным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц, и, следовательно, смысловое содержание языковой единицы определяется как двухуровневая структура (М. Бирвиш и др.). Внешний (поверхностный) уровень такой структуры соотносится с семантикой языковой единицы, глубинный же уровень – с концептуальной структурой, своеобразным «скелетом» семантики языковой/речевой единицы, который дифференцирует признаки обозначаемого по степени важности, определяет его национально-культурную специфику. Результатом анализа на глубинном уровне может выступать как концептуальная схема (структура, состоящая из мелких, элементарных, концептов), так и неделимая на более мелкие составляющие образ-схема [6. С. 64].

Отвечая на поставленный вопрос (не является ли концептуальный анализ модификацией методов структурной лингвистики?), Е.Г. Беляевская отмечает, что если исходить из того, что концептуальные структуры (основание семантики языковых единиц) состоят из некоторого числа более мелких ментальных конструкторов, то такого рода мини-концепты можно назвать базовыми концептами, и в этом случае можно говорить об определенной корреляции между компонентным и концептуальным анализом («минимальные составляющие концептуальных схем очень напоминают семы») [6. С. 65]. Но эта корреляция двух видов анализа не предполагает их отождествления, поскольку «глубинная, концептуальная, структура, естественно, коррелирует с внешней, собственно семантической составляющей смыслового содержания единицы, но существенным образом отличается от нее» [6. С. 66].

Фактически семный анализ может выступать в качестве отправной точки для концептуального анализа, но при этом «за выделением сем должен следовать следующий этап – своеобразное «укрупнение» сем, т.е. сведение их в более общие по своей природе базовые концепты. Например, подобным образом в семантике английского глагола *to ask* ‘спрашивать’ можно выделить базовый концепт «ролевые отношения участников коммуникации», который, получая конкретное семантическое наполнение, формирует три разных значения данного глагола – «просить», «приказывать» и «спрашивать» [6. С. 67].

Мы так подробно остановились на поднятом Е.Г. Беляевской вопросе о сходстве и различии концептуального и структурного анализа содержательной стороны языковых единиц не только потому, что речь идет об актуальной проблеме – определении специфики методики концептуального анализа, но и потому, что сходной представляется ситуация подмены концептуального анализа этимологическим при попытке представить концепт в эволюции, в его историческом развитии.

Принципиальное различие концептуального анализа как с компонентным анализом, так и с этимологическим одно и то же: они отличаются задачами анализа, ожидаемыми результатами и проводятся на разных уровнях (глубине) содержательной стороны языковой единицы. Но в случае с этимологическим анализом ситуация гораздо сложнее в сравнении с компонентным анализом, методика, этапы и конкретные процедуры которого были детально прописаны в структурной лингвистике. Этимологический анализ в силу объективных исторических причин – прежде всего в связи с господством структурного (синхронного) языкознания в XX в. – остался на периферии внима-

ния и образовательного пространства языковедов (в лингвистических учебниках не представлена специфика исторического или современного диахронного исследования). Вследствие того, что обнаружилась особая значимость диахронического анализа для когнитивной лингвистики, широкие ряды лингвистов-когнитивистов обратились к этимологическим источникам. И здесь их ожидала «ловушка», большинством – судя по публикациям – до сих пор не осознанная.

Для когнитивной интерпретации нужно развернутое диахроническое проработание семантики исследуемого языкового материала, но семантика (вернее, то, что за нее принимается), черпается из этимологических словарей, которые созданы до «семантического «бума», до второй половины XX в. А это значит, что обращающиеся к ним имеют дело с этимологией, которая воссоздает генезис и дальнейшее бытование морфологической, а не лексической единицы (как известно, основная единица традиционной лингвистической компаративистики – морфема). Отечественные этимологические справочники, за исключением начавшего создаваться уже в 1970-е гг. «Этимологического словаря славянских языков» (под ред. О.Н. Трубачева) и словаря П.Я. Черных, дают реконструкцию формы (корня, основы) и некоего общего значения праславянского, индоевропейского уровня на основе внешней реконструкции, т.е. сопоставления с другими родственными языками. Только в «Этимологическом словаре славянских языков» место корневой этимологии и гнездового расположения словарного материала заняла этимология лексем, цельнолексемное соответствие.

Внутренняя реконструкция (исторический анализ фактов одного языка), наиболее значимая в определении эволюции семантики языковых единиц, доступный системный анализ на разных исторических уровнях широко представлены в современной этимологической практике: в работах этимологов московской школы (О.Н. Трубачев, Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина, А.Ф. Журавлев и др.), екатеринбургской школы (Е.Л. Березович, М.Э. Рут, их последователи), в публикациях отечественных и зарубежных этимологов в сборнике «Этимология» (издается с 1964 г.), трудах международного симпозиума по этимологии (ср. *Studia etymologica Brunensia*), международного съезда славистов и т.п. Но кто их читает, кроме историков языка? А в лексикографии этот уровень современных этимологических исследований еще не реализовался. В докладе 1945 г. В.В. Виноградов утверждал: «Этимология лишь тогда получает твердый научный фундамент, когда она вливается в историческую лексикологию или историческую семантику. В этом случае этимологическое исследование слов расширяется до пределов историко-семантического» [7. С. 11]. В начале 1990-х гг. О.Н. Трубачев, оценивая достижения отечественной этимологической практики, этимологической лексикографии, отмечал: «Противопоставление исторической лексикологии и этимологии в значительной степени – терминологическая избыточность (и этимология давно интересуется не одним корнем, а всем словом, его употреблением, семантическим и словообразовательным развитием)» [8. С. 539].

Следовательно, получается, чтобы выстроить диахронную семантику (историческое развитие семантики и ее начальный этап – исходное значение), нужно, как правило, провести современный диахронный анализ, предпола-

гающий формальную реконструкцию, представленную в этимологических словарях, дополнить внутренней реконструкцией и системным анализом производной (производных) реконструированного корня, а также их ареально-исторической характеристикой, желательной, и типологическим обоснованием. Только такой анализ покажет реальные исторические изменения на поверхностном уровне семантики исследуемой единицы и послужит надежным основанием для концептуального анализа. Формальной реконструкции корня и его исходного значения, восстановленных на основе внешней реконструкции, недостаточно: *концептуальный анализ применяется ко всей лексеме в целом, поскольку концептуальные основания семантики являются общими для всех ее лексико-семантических вариантов*. Сошлюсь еще раз на В.В. Виноградова, его мнение об этимологии без историко-лексикологической поддержки в той же работе 1945 г., актуальное и сейчас: «Правильная этимология раскрывает лишь мотивы зарождения слова и первые шаги его социального бытования. Но и в этих случаях этимологические разыскания чаще всего направлены на открытие генезиса лишь тех слов, которые лежат в основе многочисленной лексической группы производных образований» [7. С. 9].

Таким образом, как семный анализ, так и историко-лексикологический с этимологическим анализом могут и должны (как проверенные методы языкового анализа) выступать в качестве отправной точки (первого этапа) для концептуального анализа. А дальше вся проблема в том, как перейти с поверхностного уровня анализа семантики на глубинный, концептуальный, если нет единой методики концептуального анализа, которая бы приводила к воспроизводимым, не зависящим от произвола исследователя результатам. Причина отсутствия такой методики кроется, по мнению Е.Г. Беляевской, в том, что «в настоящее время конкретные процедуры выделения базовых или элементарных концептов остаются практически неразработанными» [6. С. 68].

Возможна ли в принципе единая методика концептуального анализа и верификация его результатов – вопрос открытый. Когнитивная лингвистика исходит из того, что концепт состоит из большого количества компонентов, или измерений. Структурная сложность отражает разнообразие способов составления целого из компонентов, чем и определяется гетерогенность целого. Этим объясняется существование немалого количества видов концептов (и методик их выявления), выделяемых в концептологических исследованиях (концепт-схема, концепт-фрейм, концепт-сценарий, мыслительная картинка – гештальт, прототипическая модель концепта и т.д.).

II

Обсуждая вопрос о возможности и необходимости использовать историко-лексикологический и этимологический анализ в качестве первого этапа концептуального анализа, нацеленного на установление (восстановление) особенностей эволюции концепта, следует подробнее остановиться на особенностях современного диахронического исследования.

Первое, на чем следует остановиться, это вопрос о закрепившейся неоднозначности употребления термина «синхронический (синхронный) анализ». Нередко под этим термином понимают анализ фактов только современного языка, забывая, что синхрония – это «состояние языка в определенный мо-

мент его развития как системы одновременно существующих взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов; период в развитии языка, выделенный условно по признаку отсутствия в нем изменений или же несущественности последних («синхронный срез языка»)» [9. С. 451]. В результате диахроническое исследование противопоставляется синхроническому, и, поскольку синхронический анализ соотносится с анализом системных отношений в языке, не принимается во внимание или берется под сомнение необходимость исследования системных отношений языковых фактов в современном состоянии языка как начального этапа любого исторического анализа в любом диахронном исследовании. Как первый этап анализа языковых фактов возможен только синхронный анализ, и такой анализ может быть самостоятельным как определенный синхронный срез языка. На каждом срезе языкового состояния возможен только синхронный анализ. *Диахронный анализ без синхронного не существует, абсурден.*

Вследствие существующего взаимоотношения между синхронным и диахронным подходом к фактам языка нельзя считать объективными результаты исследований, в которых факты современного языка без соответствующего исторического (историко-лексикологического) рассмотрения возводятся напрямую к праязыковому состоянию (праславянскому, прагерманскому и т.п.), без поэтапной реконструкции сразу к реконструкту индоевропейского уровня, «перескакивая» через 2–2,5 или 5–6 тысяч лет и смешивая разновременные факты. Такие «перекосы» – следствие теоретически преодоленного, но на практике не изжитого противопоставления синхронии и диахронии в структуралистском духе. Переход от фактов современного состояния языка напрямую к праязыковым реконструкциям возможен в том случае, если последовательный исторический анализ уже сделан в других работах, другими лингвистами и на их выводы можно сослаться.

Отечественные историки и теоретики языка (В.И. Абаев, Б.В. Горнунг, Э.А. Макаев и др.) в самый разгар структуралистского бума всячески подчеркивали, что любой факт языка существует и может быть понят только при учете его связей с другими элементами системы, в которой он находится в данный исторический момент, и связей с предыдущим и последующим состоянием самого этого факта [10. С. 11]. Вслед за представителями Пражской школы, И.А. Бодуэном де Куртенэ, Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким, они отстаивали тезис, что синхронии и диахронии в равной степени присущ системный характер и что «реконструкция мыслится лишь как восстановление определенной с и с т е м ы (фонологической, фономорфологической, морфологической), в которой отдельные языковые явления выступают как звенья целостной структуры или системы. Одной из главных задач диахронической лингвистики в этом понимании является вскрытие и показ взаимозависимости и соотносительности всех элементов языковой системы на любом этапе развития языка, включая их праязыковое состояние» [11. С. 145]. Требование полного анализа системных отношений исследуемых единиц языка по отношению к историческому исследованию сформулировал Э. Бенвенист в своей «Общей лингвистике» (глава «Семантические проблемы реконструкции»): «Едиственный принцип, на который, считая его общепризнанным, мы будем опираться в последующем анализе, заключается в том, что «значе-

ние» лингвистической формы определяется всей совокупностью ее употреблений, ее дистрибуцией и вытекающими из них типами связей» [12. С. 332]. Он же дал прекрасные образцы применения этого требования в методике реконструкции [11, 12] (но относительно работ Э. Бенвениста не нужно забывать, что как структуралист он противопоставлял собственно лингвистическое и экстралингвистическое, т.е. выступал против междисциплинарности исследования [13. С. 28]).

Современное сравнительно-историческое языкознание также исходит из приоритетности внутренней реконструкции, основной задачей которой является установление относительной хронологии исследуемых языковых фактов. «Внутренняя реконструкция нацелена на вскрытие внутренних связей и отношений между элементами данной языковой системы в ее статике и динамике. Она базируется на принципах историзма и системности как проявлении общенаучного принципа всеобщей связи, а тем самым и принципа причинности. Возрастание интереса к проблемам внутренней реконструкции в современной компаративистике объясняется осознанием того положения, что внутренние связи элементов функционирующей системы важнее внешних» [14. С. 5].

К сожалению, как раньше, так и сейчас эти принципиальные положения диахронического анализа языка не получили широкого распространения и понимания среди лингвистов, обращающихся к диахроническому анализу с целью увидеть в исторических изменениях на семантическом уровне языка более глубокие концептуальные перестройки, обуславливающие эти изменения. Даже когда эти положения теоретически признаются, то в практическом анализе не учитываются. Чтобы это утверждение не показалось кому-то голословным, неконкретным, обращусь к известной многим работе Н.А. Красавского, в которой важным этапом определения сущности эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах является этимологический анализ [15].

«Общие замечания» (с. 98–99) обозначают теоретические установки автора, на которых должна строиться такого рода работа: необходимость использования в сравнительно-историческом анализе приемов системно-структурного метода, не только внешней, но и внутренней реконструкции; особую значимость семантической реконструкции в дополнение к формальной. Далее Н.А. Красавский определяет источники своего этимологического анализа – авторитетные этимологические словари немецкого языка (Ф. Клюге и словарь под общей редакцией В. Пфайфера) и русского языка (А. Преображенский и М. Фасмер). Но могут ли только эти словари быть источником этимологического анализа? Да, это авторитетные словари, но они создавались до «эпохи семантики» (за некоторым исключением словаря Пфайфера), в них осуществлена только, как правило, формальная реконструкция, опирающаяся лишь на внешнюю реконструкцию – данные родственных языков. А как же семантическая реконструкция? И системно-структурный анализ на разных уровнях истории языка, приоритетность внутренней реконструкции в современном диахроническом исследовании? Ведь такой анализ невозможен без опоры на толковые, синонимические, словари сочетаемости (т.е. позволяющие делать анализ системных отношений языковых единиц) и, конечно же,

на исторические словари. В рассматриваемой монографии не использован исторический словарь немецкого языка Г. Пауля, в котором дается хронология образования немецких слов, отмечаются исторические изменения их формы и значения [16], не привлечен в числе авторитетных историко-этимологический словарь П.Я. Черных, вышедший в 1990-х гг. (консультантами и рецензентами его издания выступила целая группа известных отечественных этимологов [17]). Как автор этимологического словаря, вероятно, случайно назван И. Срезневский (впрочем, словарь его недостаточно привлекается), а ведь есть еще и «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» и «Словарь русского языка XI–XVII вв.». То есть современный диахронический анализ в принципе не может быть проведен на основе только заявленных автором словарей, хотя в задачи рассматриваемого исследования входит «изучение концептов в *синхронно-диахронической плоскости* двух относительно удаленных лингвокультур» [15. С. 15] (русской и немецкой).

Вероятно, в такого типа работах следует говорить не об этимологическом анализе (ведь практически автор самостоятельно его не проводит, не анализирует разновременные системные отношения), а о привлечении этимологических комментариев из лексикографических источников. Но и этом случае все же следует привлекать и словари, в которых уже ставится задача исследования исторического развития семантики. Обращаясь к этимологическому комментарию из авторитетных источников, следует учитывать имеющиеся в них разграничения гипотез о происхождении лексем на принятые, поддерживаемые рядом авторитетных ученых и на спорные или отвергнутые в этимологической практике. Так, например, М. Фасмер, рассматривая происхождение слова *страх* [18. С. 772], пишет: «Абсолютно ошибочно сопоставление со *стража*, вопреки Микколе <...> или с *трясу*, вопреки Йоклю». «Реабилитации» этих ранних гипотез не было. В работе же Н.А. Красавского все имевшиеся версии происхождения слова *страх* (и принятые, и отвергнутые) рассматриваются как равнозначные и, соответственно, дается 5 возможных вариантов исходных образов [15. С. 106].

Внешнюю реконструкцию (сопоставление с фактами родственных языков) в современной компаративистике принято проводить с учетом историко-ареальных характеристик языков, начиная с языков, исторически (генетически или территориально) наиболее близких. Так, в той же работе по эмоциональным концептам нем. *Angst* ‘страх’ сопоставлено с родственными формами древнеиндийского, авестийского, латинского языков и совсем не упомянуты славянские соответствия, такие как рус. *узы*, *узкий*, др.-рус. (с XI в.) *узъкий* ‘узкий’, ‘скудный’, *узьникъ*, *узьница* ‘торьма’, *узити* ‘стеснять’, ‘мучить’, ‘сводить сводом’, семантика которых весьма значима для реконструкции направлений семантических изменений в этом этимологическом гнезде (в работе приведена лишь в неверной графике ц.-слав. форма со значением ‘сужение’). Реальную близость в семантике со славянскими коррелятами (страх как нечто сдавливающее, как оковы, узы) следовало подчеркнуть и потому, что однокорневые выражения концепта «страх» есть только в части (континентальной) западногерманских языков (без английского, без северо- и восточногерманских языков), поэтому при отсутствии дополнительного исследования не ясно: архаизм – это сохраняющий исторически глубокую ког-

нитивную модель в немецком или инновация, результат культурного взаимодействия (ср. *страх сжимает сердце, страх сковал*). Примером недоразумения при толковании того же концепта «страх» является слово *опасение*, про которое автор пишет: «Слову *опасение* этимологического пояснения в словарях не дается» [15. С. 111]. Это при том, что *опасный, опасаться* в словаре М. Фасмера сопоставляются с диал. *опасный* ‘осмотрительный, осторожный’, укр. *опас* ‘опасность, опасение, охрана, охранное свидетельство’ и др. как производными от *пасу, пасти* (ср. также Срезневский II, 885: др.-рус. *опасение* ‘внимательность, осторожность’, *пасти* – это не только ‘пасти (скот)’, но и ‘стеречь’, ‘руководить’, ‘управлять’).

Мы оставляем в стороне распространенную в работах лингвокогнитивно-го характера некорректность формулировок типа «Слово *Angst* начинает употребляться в древненемецком языке в VIII в.» (не «начинает употребляться», а зафиксировано в текстах! Употребляться оно могло и в дописьменный период, а письменный период с середины VIII в.), «Является слово *ужас* дериватом или нет – наукой не установлено» (дериватом какого исторического уровня?). Список таких «описок» из разных работ может быть очень длинным. Но суть-то в том, что, указав на конкретные огрехи в диахроническом анализе, в несоблюдении его методики, мы не можем повлиять на ситуацию, сложившуюся еще в период расцвета и экспансии структурного метода в нашей лингвистике: в образовательном пространстве не актуализирована необходимость знания специфики исторического и историко-этимологического анализа, специфики его источников, особенностей современного диахронного анализа (о чем выше). А раз в образовании этого нет, то и в исследовательской практике огрехи. Мы только хотим в очередной раз [19, 20 и др.] привлечь внимание к этой проблеме, ставшей особенно острой в нынешней ситуации актуальности диахронических исследований для лингвокогнитивных работ.

Нарушением принципиальных установок современного диахронического исследования является и «половинчатая» реализация признанного приоритетным синхронно-диахронного анализа. Речь идет о тех значительных по количеству работах, в которых системный анализ рассматриваемых фактов языка проводится на уровне современного состояния языка (т.е. внутреннее содержание, смысловой объем слова, его структура и границы определяются на фоне всей совокупности смысловых отношений), а в последующем анализе забывается, что исторические изменения системны. В работе 1945 г. В.В. Виноградов предупреждал о последствиях такого анализа: «Изменения в общей системе отражаются на употреблении и значении отдельных слов. Между тем исследователю истории слов и значений приходится извлекать слова из исторического контекста и рассматривать их в изоляции от окружающей их семантической сферы. Слово как бы протрясывается сквозь разные языковые слои, которые оставляют на нем, на его значениях, следы своих своеобразий. При таком изучении полнота значений и оттенков слова, вся широта его употребления в разные периоды истории языка невосстановимы» [7. С. 8]. Установившееся позднее, в 1960-х гг., определение основной задачи диахронной лингвистики как вскрытия и показа взаимозависимости и соотносительности всех элементов языковой системы на любом этапе развития

языка принципиально, теоретически, решало проблему, обозначенную В.В. Виноградовым.

Практическая реализация этой установки конечно же возможна в разной степени для разных исторических этапов исследования по совершенно объективной причине, которая связана со степенью представленности данного исторического периода в текстах (их количество, жанровое разнообразие и т.п.), их лексикографической проработкой. Не просто, но реально в большинстве случаев проследить деривационные отношения, некоторые особенности синтагматики и парадигматики: исторические словари отмечают время фиксации той или иной языковой формы и его значений, наиболее типичные контексты, позволяющие делать определенные выводы по сочетаемости, синонимическо-антонимическим отношениям анализируемой единицы языка. Время первой фиксации в словаре не означает, что этой языковой единицы не было раньше. Но здесь на помощь историку языка приходят косвенные данные: распространенность и особенности функционирования языковой единицы в языке носителей традиционной культуры (в диалектах), в близкородственных языках (например, для лексемы русского языка наличие ее соответствий в других славянских языках), историко-культурная обусловленность (на каком историко-культурном этапе было востребовано понятие, выраженное данной единицей языка, судя по данным смежных наук).

Э.А. Макаев в заключении своей книги «Общая теория сравнительного языкознания» так обозначил задачу сравнительно-исторического языкознания второй половины XX в.: «Следовательно, мы должны приложить все усилия к тому, чтобы статичная реконструкция уступила место динамической реконструкции, которая могла бы оперировать не одним, а несколькими хронологическими срезами, в основании которой лежало бы новое понимание языкового пространства и что позволило бы учитывать потенции различных ареалов и их различный удельный вес при реконструкции определенного явления или фрагмента системы определенного языка на плоскость праязыка» (21. С. 217–218).

III

Серьезным отрицательным последствием извлечения слова из исторического контекста и рассмотрения его в изоляции от окружающей семантической сферы, по оценке В.В. Виноградова, является «неустраняемая опасность перенести принципы понимания, свойственные одной эпохе, на другую, далекую от нее. Путь от идеологии и быта к языку не прямой, а очень извилистый» [7. С. 8]. Смещение историко-культурного фокуса может возникнуть и в том случае, если не учитывается глубина формирования концепта и прерывность/непрерывность культуры носителей языка (наличие/отсутствие «культурного слома»). Поясним это на конкретном примере выводов И.Е. Тищенко, полученных им в результате концептуального анализа представления о смелости в русском и французском языках при заявленном диахроническом подходе к исследованию структуры концепта [22].

Цель исследования, по словам автора, состоит «в выявлении и описании процесса формирования и развития концепта» [22. С. 4]. Основные задачи работы – «выявить структуру признаков концепта «смелость» во француз-

ском и русском языках, его прототип, номенклатуру лексических единиц, отражающих эту структуру на каждом временном этапе существования концепта; установить факторы, влияющие на формирование концепта и его модификацию во времени» [Там же]. Сразу скажем, что эти поставленные задачи автор выполнил, мы бы хотели прокомментировать выделение в этой работе прототипа концепта и положение о том, что «рассмотрение эволюции концепта в двух языках становится основанием для обобщения результатов и выводов об эволюции концепта безотносительно к конкретному языку» [22. С. 10], для того чтобы оценить корректность использования этимологического анализа и возможность некоторых выводов «безотносительно к конкретному языку».

Можно согласиться с автором, что ряд выводов действительно безотносителен к конкретному языку и даже более того – безотносителен к целому ряду концептов в динамике. Это следующие выводы. «Изменение структуры концепта – длительный процесс, который на уровне концептуальных признаков проявляется в изменении их частотности, на уровне слов-репрезентантов – в их тенденциях к архаизации, историзации или появлению новых слов. Процесс эволюции концепта сопровождается его качественными и количественными изменениями, которые выражаются в изменении номенклатуры репрезентантов и структуры признаков... В ходе эволюции концепта обнаруживаются тенденция к увеличению в его структуре числа признаков, относящихся к абстрактным понятиям, и уменьшение числа признаков, в основе которых лежат осязаемые сущности, что определяется вектором развития человеческого мышления, направленным на усложнение создаваемой им картины мира» [22. С. 18].

Сомнение вызывает вывод, что «структура концепта «смелость» в русском и французском языках характеризуется одинаковыми прототипами. По мнению автора, на его роль «наиболее подходит представление о «сердце/сœur» по ряду взаимосвязанных причин культурологического, психологического и лингвистического характера» [Там же]. Две первые причины можно определить как «интегральные», общие для целого ряда других концептов: «... в культурологическом плане «сердце» как прототип представляет в наивной картине мира человека своеобразное вместилище разного рода эмоций; с психологической точки зрения такой прототип обусловлен антропоморфной направленностью перцептивного аппарата и эксперенциальным характером познания действительности» [Там же].

Но здесь главный, «дифференциальный», лингвистический аргумент, поскольку анализируется языковой материал: «с формально-лингвистической точки зрения, как это обоснованно указывается в работе А. Вежбицкой [Вежбицкая, 1997], слово, репрезентирующее прототип, относится к основному словарному фонду, обладает общим корнем во всех языках в рамках данной языковой семьи, может быть переведено без потерь смысла» [22. С. 18]. Неясно, что такое «формально-лингвистическая точка зрения», но из обозначения сердца однокорневыми образованиями в индоевропейских языках вовсе не следует вывод, что и концепт «смелость» должен быть соотнесен с ним (общего индоевропейского обозначения «смелости» нет!). Вероятно, основанием для языкового аргумента послужило сделанное автором наблюдение,

что лексема *couage* в современном французском языке чаще других ассоциируется с концептом «смелость» и *couage* образовано от *sœur* ‘сердце’, имеет как устаревшее значение ‘бодрость, мужество, благородство’. Даже если слово *couage* было доминантным среди синонимов в старофранцузский период (что не доказано автором), то это уже средневековое французское видение (образ) смелости и оно не имеет глубоких исторических корней: ни латинское *cor, cordis*, ни русское *сердце* или их производные не соотносятся с понятием «смелость». Поэтому восхождение *sœur* к индоевропейскому уровню здесь не аргумент. И потом даже не факт, что мотивирующим было значение ‘сердце’, поскольку уже в классической латыни *cor, cordis* имело еще значения ‘душа, дух’ и ‘рассудок, благоразумие’, вследствие чего *couage* в значении ‘храбрость, смелость’ могло иметь мотивировку ‘воодушевленность, вдохновенность’ и тогда соотноситься с концептом «дух».

Далее. Вследствие того, что французская культура и язык сформировались в результате «культурного слома» как усвоения коренным кельтским населением (в процессе долгого периода двуязычия) народно-римской (романской) культуры и языка, испытавших значительное воздействие затем франкской (германской) лингво- и этнокультуры, лексика, выражающая концепт «смелость», «переплавилась» в сложившейся новой (поздней) культуре с ее соответствующим мировидением. Такая специфика становления французской культуры отразилась и на составе лексики, представляющей концепт «смелость» (прежде всего, старофранцузской): в большинстве романская или собственно французская, дополненная галльскими и франкскими (германскими) по происхождению единицами (о чем см. этимологический словарь французского языка [23]). В таком случае было бы интересно проследить, какие разнокультурные образы смелости взаимодействовали, прежде чем выделился ведущий.

Другое дело русский язык – наследник непрерывной языковой и культурной традиции с праславянского времени. Наиболее глубокие исторические корни (с праславянского, судя по этимологическим словарям) для выражения понятия «смелый/смелость» у лексем *смелый, храбрый, дерзкий*: широкие генетические связи в индоевропейских языках предполагаются для *смелый* и *дерзкий*, для *храбрый* – возможные генетические связи в балто-славяно-германском ареале. Данный фрагмент языковой картины мира сохранил более архаические (известные всем славянам) средства выражения концепта «смелость». Но в рассматриваемой работе древнерусский этап специально не выделяется, синонимы, представляющие концепт «смелость», показаны в рамках XI–XVII вв. и в более поздний период. И как же устанавливается связь у русского концепта «смелость» с концептом «сердце», если в языке это прямо не проявлено? Почему же у русского и французского концепта «смелость» якобы общий прототип?

Современная лингвистика характеризуется ярко проявившейся тенденцией истолковывать языковую картину мира как отражение представлений этноса о мире, о национальном характере и неких константах культуры. Занимаясь реконструкцией различных фрагментов языковой картины мира (осуществляемой, как правило, на материале современного языка) и выявляя про-

тиворечивые характеристики одних и тех же явлений, следует иметь в виду, как отмечает Ж.Ж. Варбот, что «в этих противоречиях не следует видеть лишь неточность анализа или отражение сложности объективных характеристик явлений окружающего мира: здесь обнаруживаются диахронические наложения, что приводит уже в рамках проблемы языковой картины мира к подтверждению тривиального вывода о мозаичности отражения действительности в языке, соединяющего не синхронные, а разновременные реакции, восприятия, толкования, лишь частично соответствующие актуальному осмыслению мира носителями языка (Трубачев 1994, 11–12, 17; Топоров 2000; Мокиенко 1999, 200). Самые очевидные проявления этой асинхронности в лексике – синонимия, гомогенная омонимия, многозначность слов» [24. С. 343–344].

IV

Еще один вопрос, всегда значимый в диахроническом исследовании и актуальный в целом для когнитивно-дискурсивного направления современной лингвистики, решающей задачи изучения принципов познания человеком окружающего мира и самого себя: что такое «внутренняя форма слова»? «Внутренняя форма слова» – понятие, вхождение которого было связано в отечественной лингвистике с именем А.А. Потебни, получило свое истолкование в работах таких ученых, как Г.Г. Шпет, В.И. Абаев, В.А. Звегинцев, В.В. Виноградов, Б.А. Ларин, С.Д. Кацнельсон и др. В последние десятилетия это явление рассматривается в связке «концепт и внутренняя форма слова» (Е.Г. Беляевская, В.И. Болотов, А.В. Бондарко, Н.Ф. Алефиренко, Н.В. Фурашова и др.).

Все, кто обращался к этой теме, сходятся во мнении, что внутренняя форма как эпидигматический компонент, источник и стимулятор языковой номинации выступает важным регулятором формирования языкового значения и его речевой реализации. В.В. Виноградов писал, что «познавательная функция внутренней формы слова заключается в том, что она участвует в осмыслении новых восприятий с помощью хранящихся в глубинах интеллекта продуктов прежней деятельности сознания, выбор той или иной «внутренней формы» отражает толкование действительности и ее оценку» [25. С. 25]. Дискуссионным признается принципиальный вопрос: внутренняя форма – синхронный компонент значения или его культурно-исторический стимулятор? [26. С. 132]. Понимание внутренней формы как механизма развития слова приводит к полярным выводам, в зависимости от того, считать ли этот «механизм» постоянно действующим фактором в языке или полагать, что он действует только в период возникновения и становления слова в определенную историческую эпоху. То есть это либо утверждение, либо отрицание синхронной (диахронной) значимости внутренней формы слова.

Нам представляется, что эти дискуссии подпитываются и неоднозначностью используемых терминов, таких как синхрония (об этом выше шла речь), этимон, его отличие от внутренней формы. Сделать обзор всех (многих) трактовок таких терминов не представляется возможным (да и нужным) в данной статье, поэтому рассмотрим лишь интересующий нас аспект проблемы.

Еще в известном сборнике «Принципы и методы семантических исследований» (1976) В.Г. Варина в статье «Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц» отмечала: «Постановка вопроса о внутренней форме как синхронном компоненте семантики слова предполагает в качестве необходимого условия разграничение понятий внутренней формы и этимологии языковых единиц в принципе. Весьма характерно, что в современной лингвистической литературе настолько часто указывается на необходимость разграничения этих понятий, насколько часто они смешиваются» [27. С. 237]. Ситуация, видимо, не очень изменилась, поскольку и в современных работах встречаем если не смешение, то нечеткое разграничение понятий «внутренняя форма» – «этимон». Так, например, Н.Ф. Алефиренко в специальном разделе «Концепт и внутренняя форма слова» своей книги дает следующие определения внутренней формы в диахронии: «Внутренняя форма как центр этимологического образа», «внутренняя форма слова – смысловой центр концепта-образа. Им становится один из признаков этимологического содержания концепта» [26. С. 137; 144]. Из этих характеристик внутренней формы следует, что есть понятие «этимологический образ», оно включает в себя в качестве центра внутреннюю форму и этим центром (внутренней формой) является один из признаков этимологического содержания концепта. Если «этимологический образ» и «этимологическое содержание концепта» одно и то же, то внутренняя форма – один из признаков этого этимологического образа. Но при таком раскладе понятий внутренняя форма отождествляется с тем, что в традиционном языкознании называется этимоном – исходным мотивировочным признаком номинации (этимологическим в том случае, если это реконструкция).

Предположение о смешении (отождествлении) двух понятий подтверждает следующее далее определение этимона: «Этимон – это первая речемыслительная ступень в процессе порождения слова и его значения. Это своего рода мыслительный конструкт, в котором находит выражение то, как представлен нашему сознанию концепт в результате сопоставления всех форм его репрезентации в экстенционале» [26. С. 137]. Этимон в данном случае выступает уже как «мыслительный конструкт», который, по мнению Н.Ф. Алефиренко, может быть выявлен «во всех формах его репрезентации в экстенционале». Но это же традиционная характеристика внутренней формы! Внутренняя форма (этимологический образ = мыслительный конструкт) устойчива, слово не становится безобразным при утрате (забвении) исходного мотивирующего признака (этимона). Представляется, что нет надобности смещать понятия, традиционные в исторической лингвистике, при их использовании в лингвокогнитивистике, при определении сути концепта, которая и так сложна. Грамматическое же значение слова *этимон* сложилось еще в древнегреческом (...τὸ ἔτιμον грам. 'этимон, подлинное, т.е. первоначальное значение слова' [28. С. 680]. В понимании этимона, его разграничении с лексическим значением (соответственно, с его внутренней формой) и понятием мы следуем за В.В. Виноградовым, считая это определение по-прежнему актуальным: «Правильная этимология раскрывает лишь мотивы зарождения слова и первые шаги его социального бытования... По существу своему этимология не

имеет ничего общего с определением понятия и даже с определением первоначального значения слова. Этимологическое объяснение слова в большинстве случаев вовсе не является раскрытием предмета, обозначаемого словом» [7. С. 9]. То есть этимологический признак – это «зародыш», из которого вырастает образ, внутренняя форма слова.

Как известно, внутренняя форма не только устойчива, но и исторически и культурно вариативна. Один и тот же этимон (исходный мотивировочный признак) может породить разные внутренние формы (этимологические образы). Так, например, один и тот же мотивировочный признак (этимон) ‘тащить, тянуть, волочить’ представлен в латинском *traho, traxi, tractum, trahere* и его продолжениях (нар.-лат. **tragere, *traginare*, давшем фр. *trainer* ‘тащить, тянуть, волочить’, *traîne* ‘волочение; шлейф’, в нар.-лат. **tractiare* (лат. *tractus*), продолжившемся во фр. *tracer* ‘проводить линию, чертить’), где исходный образ актуализирует определенный способ передвижения (по поверхности). В позднем заимствовании из латинского фр. *traction* ‘тяга, сила тяги’ (нач. XVI в.) и его производном *tracteur* ‘трактор, тягач’ (XIX в.) внутренняя форма, включая тот же мотивировочный признак, дополняет его другим понятийным компонентом – ‘сила (для волочения, тяги)’. Заимствованное из французского (XIV в.) англ. *train* в основном значении ‘поезд’ в своей внутренней форме расширяет мотивировочный признак иными понятийными компонентами: ‘тяга/волочение’ = как ‘процесс, сопровождающийся соединением двух (и более) объектов, следующих друг за другом’, а в целом ряде других своих значений (‘цепь; вереница; хвост (кометы, павлина), свита’) гасит исходный признак, переводит из актуального в потенциальный. При сопоставлении этого материала с русским – *тяга, тягловый, тянуть, тяжёлый* – видим, что на основе такого же мотивировочного признака формируется иная внутренняя форма производных, иное расширение мотивировочного признака до образа, внутренней формы (акцент смещается на большее усилие, требующееся для тяги, волочения). Подобная перегруппировка актуальных и потенциальных понятийных компонентов прослеживается и на семантическом уровне единиц при компонентном анализе.

Наше представление о внутренней форме слова, ее структурировании совпадает с точкой зрения Е.Г. Беляевской, представленной в ее книге «Семантика слова». Решая вопрос о том, что обеспечивает единство всех семантических вариантов лексемы и что определяет пределы семантической вариативности, она идет вслед за В.В. Виноградовым и А.И. Смирницким, ориентировавшимися на выделение семантического центра или семантического стержня лексемы. Определение семантического центра лексемы у Е.Г. Беляевской следующее: «В семантике слова можно выделить константную часть – семантический центр слова, составленный из семантических признаков, общих для значений всех ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова». Отсюда следует, по ее мнению, что «минимальный семантический центр слова представлен внутренней формой исходного ЛСВ, служащего основой формирования других ЛСВ слова» [29. С. 92–93]. Представление этого автора о связи семантического центра лексемы (следовательно, в определенной степени и внутренней формы) с определенным синхронным срезом языка имеет достаточно много сторонников в современной лингвистике (ср. [26. С. 134;

27. С. 242]), в частности в мотивологии, ставшей самостоятельным исследовательским направлением: «Понятие семантического центра существует только в синхронном аспекте, т.е. установить константную и вариативную часть в значении лексемы можно, только рассматривая всю семантическую структуру слова, что предполагает учет всех совместно функционирующих ЛСВ, а это возможно только в каждый определенный момент развития языковой системы, т.е. на определенном синхронном срезе» [29. С. 93]. Проведенный же Е.Г. Беляевской анализ различных типов семантических центров, их динамики [Там же. С. 95–104] привел к выводу: «Изменение статуса лексико-семантических вариантов слова, появление нового основного значения в семантической структуре лексемы не влечет за собой «автоматического» изменения внутренней формы и полной перестройки константно-вариативной организации семантики данной лексемы. Вполне естественно, что сам набор константных и вариативных характеристик, а также их соотношение меняются некоторым образом при любой перестройке семантической структуры слова, однако в большинстве случаев эти изменения не являются кардинальными» [29. С. 102].

Этот результат и выводы закономерны как экспликация положения современной теории языка о системности исторических изменений, о системе в диахронии. Таким образом, вероятно, снимается и дискуссионность ставящегося до сих пор вопроса: внутренняя форма – синхронный компонент значения или его культурно-исторический стимулятор? Ответ: и то, и другое, и синхронный компонент значения, и его культурно-исторический стимулятор. И поэтому нельзя не согласиться еще раз с Е.Г. Беляевской, что «при выделении основания семантического центра лексемы – базы, формирующей ее константную часть, обращение к исходному значению и его этимологии во многих случаях позволяет правильно определять направление поиска, независимо от того, совпадает основное значение с исходным в современном языке или нет» [Там же].

В заключение приходим к выводу: по-прежнему далеко не все ясно в связке «концепт и внутренняя форма слова», даже если избегать смещений в толковании уже устоявшихся в исторической лексикологии и компаративистике терминов. Например, та же Е.Г. Беляевская, чью точку зрения на статус внутренней формы слова в синхронии и диахронии мы разделяем, считает, что «когнитивная модель (КМ) каждого слова – уникальная когнитивная структура, не повторяющаяся в других словах, в противном случае одно из слов с одинаковыми КМ должно будет выйти из употребления. Выделенные нами модели слова представляют собой предположительно своего рода гештальты – схематизированные образы, отображающие, по-видимому, наиболее важные ментальные представления, закрепленные в момент появления данного слова (данной звуковой формы) в языке» [30. С. 12–13]. Но как, из чего на семантическом уровне анализа лексем выводится эта когнитивная сущность? Е.Г. Беляевская в цитированной статье приводит пример анализа синонимов английского языка *stare* и *gaze*, которые имеют практически одинаковые дефиниции *to look fixedly*. Но «если обратиться к соответствующим КМ, то оказывается, что в основе семантики *stare* лежит указание на неподвижность глаз. Не мигая, абсолютно неподвижным взглядом можно смотреть

только на близкий предмет, неподвижность глаз при взгляде на другого человека воспринимается как угроза или наглость, а если человек подобным образом смотрит, но ничего не видит, то это не разглядывание, а своеобразная обращенность вглубь себя. В этом случае следует указание на *vacant fixedness*, присутствующее в описании различия между синонимами. В свою очередь *gaze* предполагает движение глаз, что воспринимается как изучение» [30. С. 12]. Совершенно очевидно, что предложенные автором КМ «выведены», получены из интерпретации явлений семантического (поверхностного) уровня – мотивировочного этимологического признака (этимона) и сформированного на его основе образа – внутренней формы исходной номинации. Понятие «концепт» и «внутренняя форма слова» у автора статьи не соотносены, «лигитимно» не встретились.

Таким образом, в данной статье мы попытались обозначить ряд аспектов проблемы, ставшей помехой для эффективного использования методики современной лингвистической компаративистики при когнитивно-ориентированном подходе к фактам языка.

Литература

1. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов. М., 2007. С. 7–9.
3. Кубрякова Е.С. Предисловие // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. Москва; Калуга, 2007. С. 5–18.
4. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Воркачев С.Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М., 2007. С. 10–11.
6. Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов. Москва; Калуга, 2007. С. 60–69.
7. Виноградов В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 6–34.
8. Трубачев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Трубачев О.Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990.
10. Горнунг Б.В. Единство синхронии и диахронии как следствие специфики языковой структуры // Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960. С. 5–21.
11. Макаев Э.А. Синхрония и диахрония и вопросы реконструкции // Соотношение синхронного анализа и исторического изучения языков. М., 1960. С. 144–152.
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с фр. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
13. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. М.: Прогресс-Универс, 1995.
14. Виноградов В.А., Гаджиева Н.З., Журавлев В.К. и др. Проблемы теории реконструкции // Материалы Всесоюз. конф. «Теория лингвистической реконструкции». М., 1987. С. 3–21.
15. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008.
16. Paul H. Deutsches Wörterbuch. 9-te Auflage. Tübingen, 1992.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1994.

18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1971. Т. 3.
19. Дронова Л.П. Синхрония и диахрония: отложенная встреча? // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2009. № 3 (7). С. 116–123.
20. Дронова Л.П. Реконструкция в компаративистике и когнитивно-ориентированной лингвистике // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 4 (20). С. 24–31.
21. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977.
22. Тищенко И.Е. Концепт как диахронический феномен (на материале исследования концепта «смелость» во французском и русском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008.
23. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris, 1993.
24. Варбот Ж.Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, 8–10 июня 2002 г. М., 2003. С. 343–347.
25. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986.
26. Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы семантики. М.: Гнозис, 2005.
27. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976. С. 233–244.
28. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. Т. 1.
29. Беляевская Е.Г. Семантика слова. М.: Высш. шк., 1987.
30. Беляевская Е.Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Н. Манерко. Рязань, 2000. С. 9–14.